

Габор А. Балаж

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ

Интерес к типологическим вопросам, явлениям и закономерностям диахронной морфологии в языкознании заметно возрос начиная с 60-х годов XX столетия. Важная заслуга при этом принадлежит пионерной статье У. Коу-гилла, который попытался выявить сходные черты в изменении родственных языков (Cowgill 1966). Он сопоставил типологии 14 индоевропейских языков (ведического и классического санскрита, раннего среднеиндийского, бенгали, древне- и современного персидского, клинописного хеттского, древнегреческого, новозаветного и современного греческого, готского, древне- и современного английского, старославянского), пользуясь 10 формально-структурными показателями, сформулированными Дж. Гринбергом на материале группы неродственных языков. В результате анализа параметров Коу-гилл пришел к выводу, что типология, даже в ее несовершенном виде, раскрывает определенные признаки индоевропейских тенденций, а именно: общее возрастание агглютинации, раннее возрастание, а потом убывание синтетичности, и общий упадок в пропорции префиксов и суффиксов (там же, 133). Хотя и сам Коугилл признал, что такие выводы приложимы только к данной группе языков, тем не менее он считал, что подобные исследования являются неизбежным этапом в поисках универсалий исторической морфологии.

В русскоязычной литературе наиболее основательной работой, посвященной вопросам исторической типологии, является монография М.М. Гухман, опубликованная в 1981 г. – *Историческая типология и проблема диахронических констант*. В книге отдельная глава занимается вопросом «типологических диахронических констант»¹ и развитием словоизменительной парадигматики в группе родственных языков. В качестве наиболее существенных показателей для типологии словоизменительных систем автор выделяет следующие: 1) набор средств грамматического маркирования, соотно-

---

¹ «В отличие от диахронических универсалий диахронические константы моделируют не только инвариантное общее содержание однонаправленных процессов, но и реальные модификации их осуществления в конкретных языках, раскрывая сложное соотношение общего и индивидуального в развитии языков мира» (Гухман 1981: 56).

шение синтетических и аналитических форм; 2) соотношение реляционных и деривационных категорий (степень обособления словоизменительных и словообразовательных моделей); 3) фонеморфологическая структура синтетических словоформ, их морфемный состав, соотношение лексической основы и словоизменительного показателя, степень инвариантности в пределах парадигмы; 4) наличие/отсутствие вариативности в оформлении отдельных маркеров и целостных парадигм; 5) структура аналитических словоформ, их соотношение со свободными сочетаниями частичного и полного слова; 6) степень замкнутости словоизменительной парадигматики по отношению к словообразовательным классам и синтаксическим словосочетаниям; 7) знаковая структура грамматических показателей, т.е. соотношение единиц плана выражения и плана содержания; 8) состав грамматических категорий и характер их членности. Поскольку эти показатели раскрывают внутренние механизмы словоизменительных процессов и типологическую специфику конкретных словоизменительных систем, «они являются единицами не только синхронного описания, но и историко-типологического анализа» (Гухман 1981: 61–62).

В основной части главы проводится системный анализ процессов а) германских, б) иранских, в) финно-угорских и г) тюркских языков. Каждой языковой группе отводится отдельный раздел, и подводятся итоги, основанные на частных наблюдениях относительно индивидуальных групп. В конце главы автор суммирует эти итоги в общие замечания. Итак, Гухман делает вывод, что «ведущим фактором, определившим в изменении словоизменительной парадигматики направление, объем и глубину диахронических констант, а тем самым интенсивность преобразования системы или ее устойчивость, была *специфика исходных систем* (выделение мое – Л.Г. Б.) в разных группах родственных языков». Внутри рассмотренных групп вырисовывается типологическая близость между германскими и иранскими языками, которая объясняется их генетической общностью, в конечном итоге – общностью исходной системы. Различия в развитии словоизменительной системы, в свою очередь, обусловлены разными факторами, которые не всегда поддаются учету. Выбор одной из конкретных возможностей в одном языке, а выбор другой в другом языке – пока часто оказывается необъясненным явлением. Кроме внутренних причин в изменении морфологических систем также важную роль играют и *внешние факторы* (выделение мое – Л.Г. Б.), как например «территория населения, длительность сохранения общих контактов в пределах центральных зон, характер иноязычных связей». Они «оказывают влияние на специфику диахронических констант в группе

родственных языков помимо определяющей роли исходной системы»² (там же, 123–128).

Тема последующей главы в книге Гухман – трансформация формально-структурных типов и проблема диахронических констант. По мнению автора, типологическая трансформация является возможной, но не обязательной формой изменения флективного типа языков. С другой стороны, исчезновение флективных черт не всегда сопровождается развитием признаков изолирующего или аморфного типа. Однонаправленные тенденции в связи с разрушением признаков-координат флективного типа не всегда ведут к типологической трансформации всей языковой системы. Этот факт объясняется и тем, что разные участки языковой системы оказываются не в одинаковой мере уязвимыми. Гухман приводит пример (между прочим) болгарского языка, в котором разрушение старого словоизменительного типа проявилось наиболее интенсивно в именной парадигме: на смену развитой древнеболгарской флексии пришла полностью аналитическая система, а старая падежная система была утеряна как у существительных, так и у прилагательных имен. В системе глагола, однако, сохранены старые флективные маркеры и категории, причем введены и аналитические конструкции, которые являются инновацией. Здесь практически сохраняются старые приметы флективного строя. О полной типологической трансформации не можем говорить и в случае имен, так как до сих пор сохраняются категории числа и рода, как и согласование по роду и числу прилагательных и даже нового постпозитивного артикля. В болгарском языке характерную для флективных языков примету согласования «можно отнести к ядру признаков-координат, характеризующих формально-структурный тип этого языка» (там же, 143–148). Нетождественность реализации преобразований в развитии именной и глагольной парадигматики является важным моментом типологических наблюдений. «Каждая типологическая доминанта как бы замкнута в пределах определенного сегмента словоизменительной системы, что, естественно, является тормозом однонаправленного преобразования языка.» Таким образом, возможна не только одна форма преобразования флективного типа, а соотношение формально-структурных типов не подчиняется какой-либо универсальной схеме исторической последовательности. Факторы, которые вызывают формально-структурные изменения, остаются во многом неясными. Возможность типологических сдвигов заложена в са-

---

² «...для проблематики данной работы существенно признание самого факта влияния внешних факторов на формы реализации диахронических констант, поскольку тем самым подрывается идея прогнозирования результатов развития словоизменительных систем (выделение мое – Л.Г. Б.) на основе анализа их исходного состояния» (там же, 128).

мом статусе формально-структурного типа, а абсолютно чистые типы реально не встречаются: в каждом языке помимо типологической доминанты сосуществуют на периферии словоизменительной системы единицы другой типологии. Так как набор формально-структурных языковых типов ограничен, и возможности их трансформаций ограничены. «Но вместе с тем трансформации не образуют последовательной однонаправленной константы и не соотносены однозначно с развитием языка, а влияние внешних стимулов является дополнительным фактором, препятствующим построению универсальных схем» (там же, 149–150).

Несмотря на весьма интересные наблюдения Коугилла и особенно ценные теоретические утверждения основополагающей монографии Гухман, место типологического аспекта и направление последующих исследований в исторической морфологии авторам удалось наметить только частично. В этом отношении более надежные перспективы и теоретические рамки нам предоставляет *естественная морфология* (ЕМ).

В структуре теории естественности различаются пять уровней (подобно работам Л. Ельмслева и Э. Косериу): 1) уровень лингвистических универсалий, моделируемый в теории маркированности или в теориях предпочтений; 2) уровень языковых типов, моделируемый типологической теорией; 3) уровень языкоспецифичной компетенции, моделируемый в теории системной конгруэнции (системоадекватности), а уровни 4) нормы и 5) перформации рассматриваются в социолингвистических и психолингвистических разветвлениях теории естественности (Dressler–Mayerthaler–Panagl–Wurzel 1987: 9). Универсальными принципами первого уровня являются конструкционная иконичность (или диаграмматичность), принцип «одна форма – одно значение» (bi-uniqueness), прозрачность, индексальность, бинарность, оптимальная длина слов. О втором уровне подробнее буду писать ниже, а принципы третьего уровня – системная конгруэнция (системоподходящность) и стабильность флективных классов.³ В ходе (синхронического или диахронического) лингвистической обработки типологические принципы уточняют и фильтруют универсальные принципы, затем языкоспецифичные принципы в свою очередь уточняют и фильтруют типологические принципы. Таким образом типологический уровень или типология представляет собой органическую часть лингвистического анализа независимо от того, является ли этот анализ описательным или историческим.

Поскольку нас сейчас больше интересует типологический уровень, где происходят закрепление и модификация параметров естественности, посмотрим, как здесь реализуется основной принцип – принцип типологиче-

---

³ Подробнее см., напр., Dressler–Mayerthaler–Panagl–Wurzel 1987; Wurzel 1989; Dressler 1985, 2003.

ской системосообразности (системоадекватности). Параметры, с помощью которых возможно описание любой словоизменительной системы, следующие:

- (а) набор категориальных комплексов и категорий, примыкающих к ним;
- (б) флексия, прикрепленная к основе, которая может функционировать как самостоятельное слово, или флексия, прикрепленная к основе, которая не может функционировать как самостоятельное слово (*base-form inflection versus stem inflection*);
- (в) отдельное или комбинированное обозначение категорий;
- (г) отсутствие или наличие синкретизмов и их место внутри словоизменительных парадигм;
- (д) типы маркеров, применяемых для обозначения отдельных морфосинтаксических категорий;
- (е) наличие или отсутствие словоизменительных классов;
- (ж) появление или поддержание супплетивизма.⁴

В словоизменительных (под)системах отдельные структурные признаки конкурируют по отношению к параметрам (а)–(г). Как правило, один из возможных вариантов господствует в системе и таким образом формирует ее. Такое формирование системы проявляется не только в синхронической дистрибуции вариантов, но оно выражается и в «развитии» системы, и именно здесь оно становится особенно явным. Такие доминирующие варианты называются *системоопределяющие структурные признаки* (*system-defining structural properties*). Поскольку они зависят от конкретной языковой системы, системоопределяющие структурные признаки выделяются для каждой системы отдельно (Wurzel 1989: 75–80).

Приведенные параметры на поверхности действуют независимо друг от друга, но для определенных языковых типов можно обнаружить глубокую связь между отдельными параметрами (для флективных языков, например, характерны взаимоотношения между (б), (в), (г) и (е)).⁵

Небезынтересно отметить, что параметры ЕМ, определяющие типологическую принадлежность данного языка, отчасти совпадают с параметрами Гухман, изложенными выше. Например, параметр 1) у Гухман практически соразмерен с параметром (д), а 3) – с (б), 8) – с (а) и т.д. Это подчеркивает интуитивно удачный выбор отдельных параметров языковедами, работающими явно независимо друг от друга.

⁴ Первые шесть параметров выделил В.У. Вурцел (Wurzel 1989: 75), а последний параметр добавил А. Биттнер (Bittner 1988: 28).

⁵ См. Carstairs-McCarthy 1992: 230.

На основе выше представленных параметров болгарскую именную систему в разные периоды ее истории можно охарактеризовать следующим образом.⁶ В древнеболгарской системе существительных: (а) имелись два категориальных комплекса – число и падеж (род у существительных является лексической категорией); число реализуется в категориях ед., мн. и дв. ч., а падеж в категориях им., вин., род., дат., твор. и местн. п. (вокатив только формально относится сюда); (б) окончания всегда присоединяются к основе, а не к базовой форме (не к самостоятельному слову); (в) категории обозначаются совместно, т.е. нет отдельных маркеров числа и падежа (в отличие, напр., от агглютинативных языков); (г) относительно количества и распределения формально несовпадающих флективных форм можно определить десять типов с различными проявлениями синкретизма; (д) как категория числа, так и категория падежа обозначается только суффиксами; (е) существуют словоизменительные классы (типы склонения); (ж) супплетивные формы появляются редко. Как известно, такое положение характерно лишь для раннего этапа истории болгарской морфологической системы. Под влиянием доминирующих признаков со временем постепенно исчезают конкурирующие непродуктивные, неадекватные системе признаки, в результате чего уменьшается количество словоизменительных классов. Параллельно с морфологическими процессами, однако, постепенно появляются и новые (морфо)фонологические черты, значительно изменяющие грамматическую структуру имен. Вследствие этих изменений резко модифицируется параметр (а) – из категориального комплекса числа исчезает двойственное число, а из комплекса падежа медленно исчезают местный, творительный, родительный и дательный падежи, в то время как винительный начинает выполнять функцию общего падежа (Дуриданов 1957; Иванова-Мирчева–Харалампиев 1999: 179–189; Н. Tóth–Balázs–Majoros 2011: 65–73). Значительно изменяется и параметр (г) – с устранением большинства падежей в конечном итоге остаются только два: именительный и общий, с единственными двучленными отношениями Им. = Общ. (синкретизм) и Им. ≠ Общ. (отсутствие синкретизма). Это касается и параметра (е) – вместе с падежами исчезают и словоизменительные классы. Параметры же (в), (д) и (ж) пока сохраняют свою характеристику, унаследованную от древнеболгарской грамматической системы. Теперь рассмотрим структурные признаки современной болгарской именной системы по данным параметрам: (а) остался категориальный комплекс числа с двумя категориями ед. и мн. ч., а категориальный комплекс падежа уже не существует (за исключением употребления двойной формы постпозитивного артикля м. р. для различения номинативного и «общего» значения в литературном языке); (б) окончания мн. ч. присоединяются к

---

⁶ Подробнее см. Балаж 2004.

базовой форме слова у существительных м. р. и также у существительных ж. р., оканчивающихся на согласный, а во всех остальных случаях флексия присоединяется к основе (не совпадающей с полным словом); постпозитивный артикль всегда присоединяется к базовой (неизменяемой) форме слова; (в) совместное обозначение различных категорий исчезает вместе с падежами; (г) типы синкретизма также перестают существовать; (д) главным грамматическим показателем остается суффикс, который в определенных случаях может сопровождаться с перегласовкой (умлаутом) типа *бряг-брегове*, которая, несмотря на свое фонологическое происхождение, является одним из структурных признаков современного болгарского языка; (е) из-за отсутствия падежей в именной системе нет словоизменительных классов; (ж) супплетивизм наблюдается лишь относительно категории числа.

Итак, в истории болгарской именной системы произошли весьма значительные преобразования, вследствие которых современная система имен коренным образом отличается от именной системы всех остальных славянских языков (за исключением македонского). Означает ли это, что болгарский язык изменил свой исходный тип? Едва ли. Потому что, во-первых, глагольная система – несмотря на инновации – до сих пор сохранила свой старый облик, а во-вторых, система имен вопреки «поразительным» изменениям не теряла таких важных признаков флективного типа как слабое противопоставление корневых и служебных элементов, четко выраженное противопоставление словообразовательных элементов и окончаний, сильное противопоставление частей речи, наличие формальных слов, *сильно развитое согласование* (ср. выше с выводами Гухман) и т.д.⁷ Несмотря на некоторые признаки изолирующего типа (напр., отсутствие падежей) болгарский язык пока остался флективным. Изменения отдельных его типологических параметров не привели к трансформации всей грамматической системы, а только к модификации одной (именной) подсистемы. Это обстоятельство подтверждает необходимость выделения независимого типологического уровня в модели языка, и указывает на важную роль этого уровня в уточнении и фильтровании универсальных принципов в ходе анализа изменений грамматических систем.

ЛИТЕРАТУРА

Балаж, Г.Л. 2004, Системна конгруенция в българската диахронна морфология. *Етископ-Константинови чтения* 9. Шумен, 9–16.

⁷ Приведенные качества взяты у Скалички, подробнее см. Скаличка 1966: 29.

- Гухман, М.М. 1981, *Историческая типология и проблема диахронических констант*. Москва: Наука.
- Дуриданов, И. 1957, Пътят на българския език от синтетизъм към аналитизъм. В кн.: *Христоматия по история на българския език*. София: Наука и изкуство (1983), 259–272.
- Иванова-Мирчева, Д. – Харалампиев, И. 1999, *История на българския език*. Велико Търново: Фабер.
- Скаличка, В. 1966, К вопросу о типологии. *ВЯ* № 4, 22–30.
- Bittner, A. 1988, Is anything «more natural»? Considerations on establishing a hierarchy of naturalness principles (NP). *Linguistische Studien* 188, (Series A: Arbeitsberichte), 23–35.
- Carstairs-McCarthy, A. 1992, *Current morphology*. London – New York: Routledge.
- Cowgill, W. 1966, A search for universals in Indo-European diachronic morphology. В кн.: Greenberg, J. H. (ред.), *Universals of language*. Cambridge, MA: MIT Press, 114–141, 2-е изд.
- Dressler, W. U. 1985, Typological aspects of natural morphology. *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae* 35, № 1–2, 51–70.
- Dressler, W. U. 2003, Naturalness and morphological change. В кн.: Joseph, B. D. – Janda, R. D. (ред.), *The Handbook of Historical Linguistics*. Oxford: Blackwell, 461–471.
- Dressler, W. U. – Mayerthaler, W. – Panagl, O. – Wurzel, W. U. (ред.) 1987, *Leitmotifs in natural morphology*. Amsterdam: Benjamins.
- H. Tóth, I. – Balázs, L. G. – Majoros, H. 2011, *Bolgár történeti nyelvtan: Hangtan, alaktan*. Szeged: JATEPress.
- Wurzel, W. U. 1989, *Inflectional morphology and naturalness*. Dordrecht: Kluwer.